

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ «РУМПЕРИЯ.
ПО ТУ СТОРОНУ НАВИ. СЛАВЯНСКОЕ ФАНТЕЗИ»:

АНАСТАСИЯ ДЁМИНА

«ТЕНЬ ВОРОНА»

Продолжение следует...

Анастасия Дёмина

ТЕНЬ
ВОРОНА

Москва

2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос = Рус)6-44
Д30

Иллюстрация на обложке *Wismut*
Художественное оформление *Марии Фроловой*

Дёмина, Анастасия Владимировна.

Д30 Тень ворона / Анастасия Дёмина. — Москва : Эксмо, 2026. — 352 с. — (Румперия. По ту сторону Нави. Славянское фэнтези).

ISBN 978-5-04-227068-0

Тьма опускается на некогда цветущий Бряжск. Через пять дней в город войдет безжалостный атаман по прозвищу Змей, чтобы силой взять в жены прекрасную царевну Елену — вместе с ее царством, преданным малодушным отцом. Но смириться с такой судьбой готова не каждая: верная служанка Аксинья открывает Ивану, потерявшему отца от рук разбойников, великую тайну.

В глухой лесной чаще растет волшебный дуб — ворота в иной мир, полный чудес, испытаний и древней силы. Лишь тот, кто сумеет пройти все его испытания, получит шанс изменить ход истории. Для Ивана это не только возможность отомстить, но и надежда спасти Елену, друзей и все Беловодье от власти Змея.

Сумеет ли простой юноша бросить вызов безжалостному атаману и победить тьму?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-227068-0

© Дёмина А., 2025
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ПРОЛОГ

Чернота находила на небо, и если бы не низкие облака, с запада еще подсвеченные розовым золотом, Радимир уже насчитал бы на нем с десятков звезд.

Он чертыхнулся сквозь зубы и тут же инстинктивно схватился за крестик на шее, намоленный еще бабкой. Та хоть и была немощна на ногу и почти ослепла к старости, успела перед своим вечным упокоением крепко вбить в голову упрямому внуку, как это глупо — собственными устами подзывать нечистую силу, когда и без нее беда уже на пороге. Или затаилась в тени, а их в этом дремучем лесу было больше, чем листьев на всех его вековых дубах.

Радимир закрыл глаза и с силой провел шершавой, мозолистой ладонью по лицу, напоследок от души дернув себя за спутанную бороду, совсем отбившуюся от рук за время этого похода.

«Опять моя Мила будет целый месяц меня мишкой косолапым звать».

Перед его внутренним взором встал образ молодой жены, как она, крепко прижимая одну руку к едва про-

глядывающему под складками сарафана округлившемуся животу, второй без устали махала ему вслед, пока последняя повозка не скрылась за холмом.

Но Радимир решительно прогнал образ из головы. Если он хочет вернуться к любимой и их будущему малышу, необходимо собраться с мыслями и отринуть все, что могло отвлечь от охраны вверенного ему царского обоза.

Бросив прощальный взгляд на дорогу, где через пару-тройку верст впереди стояла их пограничная застава, Радимир вдавил пятки в бока верного Инея, названного так за суровый нрав, не признающий ничьих приказов, кроме хозяина да его жены, и за светло-серую, серебристую в лунном свете шерсть. Довольно всхрапнув — жеребец был небольшим любителем мерного обозного шага, — Иней быстро нагнал первую повозку и едущих по бокам от нее всадников.

Первым на звук копыт обернулся Павел, старший сын Макара, одного из лучших купцов Беловодья и доброго друга Радимира еще с тех времен, когда он с отцом Переславом ходил в свои первые обозы простым дружинником. Павел с младых лет сопровождал отца во всех странствиях за заморскими диковинами, и Радимир наблюдал воочию, как нескладный худощавый отрок вытягивается непокорным тростником ввысь, чтобы потом практически за одну зиму обзавестись широченными плечами на страх любому дверному проему. После чего Радимир не выдержал и в прошлом году позвал двадцатилетнего молодца к себе правой рукой. Макар, ставший тому свидетелем, захохотал так, что едва не свалился с облучка, а затем притворно погрозил Радимиру пальцем, что он-де у него первенца увести надумал. Павел, зардевшись под светлым пушком на щеках, отблагодарил обозного главу за честь и доверие, но отказался, ска-

зав, что продолжит дело отца. Сам Макар, тихонько посмеиваясь в смоляные усы, поймал взгляд Радимира, с вызовом кивнул на сидящего сбоку от себя шестнадцатилетнего юнца:

— А Федора, значит, к себе не пригласишь?

— Чтоб он всех моих дружинников заставил письменный счет вести до последнего медяка? Да их половина потом при виде любой березы трясушка бить будет! — не моргнув глазом, отбил Радмир. И подмигнул ненадолго оторвавшему нос от стопки берестяных грамот среднему сыну купца, давая понять, что не желал его обидеть.

Федор действительно был не по годам серьезным и дотошным, что вкупе с цепким умом, помнящим каждую цифру, зоркими глазами, безошибочно находящими с одного беглого взгляда лучший товар, и подвешенным языком, способным уболтать на выгодную сделку самого матерого торговца, делало его прирожденным купцом и отцовским любимцем. И мамкиным тоже, судя по любовно взращенной с детства тучной фигуре.

Но у Радимира еще оставалась надежда переманить к себе младшего сына Ивана. Если средний Федор черными кудрями, молочной кожей и коренастым телосложением пошел в отца, то Иван рос точной копией старшего Павла, который, в свою очередь, уродился в деда по матери, светловолосым, веснушчатым и статью воистину богатырской. Мальчишке только-только исполнилось четырнадцать годков, а он уже слегка перерос среднего брата. К тому же, в отличие от Павла, особого интереса к торговому ремеслу не проявлял, в обозы ходил, чтоб мир посмотреть, скуку домашнего уюта развеять да медяков на всякие невинные глупости заработать, выполняя мелкие поручения отца и обозного главы.

Вот и сейчас Радмир встретился с искрящимися любопытством карими глазами юнца, бездельно ботающего ногами на крае облучка передней повозки, и сказал, кивая себе за спину:

— Пробегись, предупреди всех с конца, что сажней через тридцать будем на ночлег обустраиваться.

Иван с готовностью кивнул, ловко спрыгнул вбок, чтобы не попасть под колеса, и помчался по краю дороги назад, отмахивая длинными ногами с две трети сажени зараз.

— Давно пора, — крикнув, высказался царский дружинник Глеб, вместе с Павлом возглавлявший обоз. — Государь не любит долго в повозке сидеть, ноги сводит.

Брови Павла едва заметно дрогнули к переносице, но купеческий сын, несмотря на молодость, уже успел поднабраться достаточно опыта в общении с людьми всех родов и важности, чтобы мгновенно слепить на лице выражение любезного внимания. Так и Радмир, изобразив подобающую пристыженность, поднес руку к сердцу и слегка поклонился заносчивому гридю¹.

После чего переглянулся с Павлом. Тот знал, что на этом отрезке обратного пути до границ Беловодья Радмир обычно гнал обоз, не жалея ни коней, ни колес, ни нежных седалищ купцов и их подручных, лишь бы добраться до надежных высоких стен пограничной крепости. Но царь переворошил привычный распорядок, не пожелав и помыслить о том, чтобы выехать из последней заставы приморских соседей на рассвете, и потом весь день через своих слуг отмахивался от осторожных предложений обозного главы прибавить шаг.

Если бы не бабкина наука, Радмир бы уже сотню раз проклял прошедшую зиму, выдавшуюся на ред-

¹ Гридь — в Древней Руси княжеский дружинник.

кость малоснежной, а весну и начало лето — за невиданную жару, из-за чего всегда полноводная Белица, давшая название их землям своими известковыми берегами, так сильно обмелела, что местами проплыть по ней на большой лодке стало невозможно. И государь, приглашенный к приморскому соседу на сватанье наследника, вынужден был отправиться в путь вместе с купеческим обозом по дорогам, которые — сколько слоев ковров повозку ни застлай — все равно заставят всеми косточками пересчитать каждую колдобину и яму.

Вздохнув, Радмир покосился на Павла и одобрительно прищурился: молодец держался настороже, подобравшись в плечах, прислушивался к каждому шороху и пристально поглядывал по сторонам.

Чего нельзя было сказать о Глебе, рассеяннo моргающем осоловевшими за долгую дорогу глазами. Привыкший, что в мирном стольном граде Бряжске наибольшую опасность для него представлял редкий воришка да сорвавшийся с крыши воинственный кот, гридь даже посреди мрачной чащи, с трудом пробитой насквозь узкой лентой дороги, вел себя вальяжно. Неизвестно, доходили ли до него слухи об орудующей в местном пограничье шайке безжалостных грабителей или он просто не допускал и мысли, что те осмелятся пойти против дворцовой дружины.

Но Радмир, наоборот, считал, что для уверенных в своей безнаказанности разбойников царский обоз был лакомой добычей. После первого же жестокого разграбления обоза в мае Радмир удвоил число гридей в своей дружине, хотя это и означало серьезный подъем платы за сопровождение. Но он категорически отказывался рисковать жизнями своих людей и доверившихся ему торговцев, не говоря уже о потере ценных товаров и выкованной еще дедом репутации.

С тех пор Радимир успел два раза сходить к морю и назад, миновав встречи с безжалостной шайкой, но, по чести говоря, не верил, что их отпугивала удвоенная охрана. Скорее причина была в том, что он не позволял обозу оставаться в облюбованном ею лесу на ночь и успевал, нещадно гоня коней и не слушая возражений, добраться до заставы затемно.

Но в третий раз, как часто бывает, все пошло не по плану. И ведь сердце Радимира чуяло такой исход загодя, но когда сам государь назначает тебя главой своего обоза, отказаться — смерти подобно. И хорошо еще, если не буквально. Хотя от царя Белояра, получившего в народе, несмотря на грозное имя, прозвище Робкий за вечно дрожащие пухлые пальцы и тонкий голосок, повторяющий приказы за боярами, подобной решимости трудно было ожидать.

Поэтому, когда Радимира вызвали во дворец и оповестили о возложенной на него чести, тот лишь покорно склонился в глубоком поклоне, про себя уповая на милость Господа.

Но сейчас, слушая доносящееся из чащи глухое и протяжное, как глумливый смех, карканье, он поймал себя на том, что рука будто сама собой опустилась на рукоять меча.

Аксинья, услышав глухое и протяжное, как глумливый смех, карканье, отодвинула пальчиком плотную занавеску на окне повозки, но не увидела ничего, кроме стены из корявых стволов и непроглядной тьмы в глубине чащобы.

— Не к добру это, ох не к добру, — пробормотала она и закусила нижнюю губу.

Она сбилась со счета, сколько раз за прошедший день обозный глава, грозный и молчаливый, но с добрыми глазами, просил царя Белояра, едущего в соседней повозке, разрешить погнать лошадей, чтобы успеть к сумеркам до заставы. Но государево величество были непреклонны, и Радимир всякий раз отъезжал на своем серебряном коне красный от досады и с отчетливой искрой страха в голубых глазах.

Аксинья, чье сердце при взгляде на него тоже обмирало в неясной тревоге, пару раз попыталась поговорить с царевной, чтобы та повлияла на батюшку. Но Елена лишь отмахивалась, не желая слушать суеверную служанку, и продолжала с мечтательной улыбкой перебирать купленные царем бесчисленные колечки и сережки, каменья, жемчуга и рулоны заморской ткани, отражающей свет, как полированный металл. И если среди них затесались несколько даров от плененных красотой юной царевны гостей со сватовства их приморского соседа, то об этом никому, кроме самой Елены да ее личной служанки Аксиньи, знать не полагалось.

Аксинья и юная царевна были ровесницами, но Елена в свои четырнадцать уже успела прослыть на все Беловодье и близлежащие земли распускающимся бутоном, что через пару лет будет сражать наповал всякого юношу и мужа. Темные волосы струились ей за спину беспокойной рекой, нежный персиковый румянец оттенял точеные скулы, а любой заглянувший в ее огромные очи в окружении густых ресниц рисковал безнадежно заплутать в их черных, как колодцы, глубинах.

Рядом с ней Аксинья со своей русой косой, еще по-детски округлыми щеками, вздернутым носиком и светлыми, как выцветшее в жару небо, глазами чувствовала себя невидимкой. Но ее мама, пять лет назад

скончавшаяся от горячки вместе с царицей Ольгой, на наивную жалобу маленькой дочки только рассмеялась и сказала, что она должна радоваться, ведь, пока ее никто не видит, она видит всех. Женщины в их роду уже больше века служили при царицах и царевнах Беловодья, исполняя кроме очевидных обязанностей еще и тайное дело по их защите от всякой угрозы, из-за чего в складках их одежд день и ночь прятались острейшие клинки, пузырьки с разными снадобьями да прочие полезные мелочи. А потому и ведали они много больше обычных людей, пусть эти накопленные за многие поколения знания прекрасная Елена и называла «бабкиными суевериями».

Чьи-то быстрые шаги заставили Аксинью снова повернуться к окну и потянуться к спрятанному на поясе кинжалу. Но увидев знакомую белобрысую голову с усыпанным крупными веснушками курносый носом, она быстро вдохнула, и ее рука, так и не коснувшаяся рукояти, метнулась к виску и заправила за ухо выбившуюся из косы короткую прядь.

Иван, младший сын Макара, одного из самых зажиточных купцов Беловодья, сбавил шаг перед окном их повозки и, подстроившись под ее ход, легонько поклонился выглядывающей в щелку Аксинье.

— Обозный глава просил передать, что саженой через тридцать будем останавливаться на ночлег, — сообщил он слегка ломающимся голосом.

Аксинья, позабыв на миг о смущении, отдернула занавеску и едва не высунула голову в окно.

— На ночлег? — не поверила она. Ее взгляд перепрыгнул с лица Ивана на черный лес позади него. — Мы не доедем до заставы?

Юноша, сокрушенно поморщившись, мотнул головой.

— Никак не успеваем, барышня.

Аксинья слегка зарделась от непривычного обращения, но удержала мысли на главном.

— Но в этом лесу орудуют разбойники!

Иван хотел что-то ответить, но так и застыл с приоткрытым ртом. Заметив краем глаза какое-то движение, Аксинья моментально поняла, в чем причина: Елена, привлеченная разговором, оставила свое мягкое ложе из перин, занимавшее большую часть повозки. Сместившись к окну, она одарила купеческого сына чарующей улыбкой, от которой тот запутался в собственных ногах и едва не упал плашмя на обочину.

Царевна, прикрыв рот кончиками длинных тонких пальчиков, засмеялась колокольчиком и пожурила Аксинью:

— Какие разбойники, глупая, когда у нас столько защитников! Нам и бояться-то нечего, верно, Ванюша? — добавила она, снова затрепетав ресницами.

Иван со щелчком захлопнул рот, быстро закивал и забормотал:

— Да, конечно, барышня... то есть царевна... то есть...

Покраснев до корней волос, он сложился пополам в поклоне, почти тюкнувшись носом в дорогу, и убежал вперед, не оглядываясь.

Елена коротко хохотнула и, смахнув за спину темные кудри, посмотрела на потупившуюся служанку.

— Не расстраивайся, Ксюня, на что тебе этот купеческий дурашка? Вот, — она взяла ее за руку и вложила в ладонь ниточку жемчуга, — возьми себе и не печалься. Глядишь, и тебя кто другой, поинтереснее да покрасивше приметит!

И она вернулась к сундучку с украшениями.

Аксинья резким движением задернула занавеску, старательно отгоняя мысль о том, что подаренный ей жемчуг был самым мелким и невзрачным из всех лежащих в нем.

Искать в этом глухом лесу даже подобие поляны было гиблым занятием, поэтому они ограничились тем, что слуги высвободили тяговых лошадей, напоили их вместе с дружинными из бочек и пустили по обочине пощипать траву. Все шестнадцать повозок сдвинули плотным рядом посреди дороги, а по бокам разожгли костры, не только чтобы нагреть воду и развеять пригнанный ночью холод, но и в надежде теплым светом огня отпугнуть разбойников.

У Ивана, отправленного в повозку спать на тюках, сна не было ни в одном глазу, и он смотрел в окно на скрытое черными облаками небо и прислушивался к голосам отца и братьев, тихонько переговаривающихся у костра.

Он знал о разбойниках, даже по отцовскому наказу помогал нескольким семьям знакомых купцов, раненых во время нападений, с мелкими поручениями по хозяйству: там скамейку приладить, тут вещи помочь донести. Но саму угрозу представлял довольно смутно, больше как страшную историю на ночь, чем то, что на самом деле может с ним произойти. Мать не хотела пускать его в этот обоз, будь ее воля, она бы и Федора при себе придержала, но тот лишь молча помотал головой, ставя точку в споре. А Иван взъярился не на шутку, особенно потому что увидел в отцовских глазах, что тот не прочь согласиться, и заявил, что все равно проберется и запрячется в чьей-нибудь повозке, хоть вяжите его, хоть что делайте. В итоге отец махнул рукой на упрямого сына, мать два дня проплакала, но Иван, хоть его сердце и ныло, как пилой пиленное, не отступил.

Разве мог он пропустить гулянья по случаю сватовства престольного наследника из соседнего царства,

что обещали посрамить все былые ярмарки и празднества? И разве мог он отказаться от шанса хотя бы недолго, хотя бы мельком полюбоваться первой красавицей всего Беловодья — царевной Еленой, о которой вздыхали все юноши столицы? Хотя Ивана, положив руку на сердце, ее колдовская краса немного пугала, не нравилось ему, что от одной ее улыбки сердце подпрыгивало к горлу, язык заплетался, а в голове начинало гудеть, как в пустом горшке. Куда милее ему была служанка царевны, неприметная Аксинья с удивительными светлыми, как льдинки, глазами, под внимательным, все ловящим взором которых в груди Ивана разливалось щекочущее тепло.

Он был не прочь поговорить с Аксиньей, может, угостить ее медовыми орешками, что купил на приморском базаре, или, если духу хватит, подарить ручное зеркальце в оправе из серебряного вьюнка. Но служанка ни на шаг не отходила от своей барышни, и Ивану оставалось лишь досадовать на себя за несдержанное волнение рядом с царевной.

Его тоскливые думы прервало карканье. Проклятый ворон прицепился к обозу еще до остановки на ночлег, но после разжигания костров его крики зазвучали уже не так протяжно, будто он воодушевился чему-то, и, казалось, с каждым разом раздавались все ближе.

Иван повернул голову и прислушался. В ночи звуки разносились не так, как днем, и он не был охотником, умеющим по малейшему шороху определять, в какой стороне и как далеко добыча.

Но только он подумал, что ворон, должно быть, сидел где-то в паре сажений от дороги, как сбоку слышались глухие хлопки, в окошке повозки что-то блеснуло, и у Ивана ушла секунда, чтобы понять: это был черный лаковый глаз, отразивший пламя костра дальше у обочины.